

наступающій на него злодѣй, и человекъ во снѣ размахнулся и ударилъ своего злодѣя съ тѣмъ страшнымъ усиленіемъ, которое, онъ знаетъ, должно уничтожить его, и чувствуетъ, что рука его, безсильная и мягкая, падаетъ какъ тряпка, и ужасъ неотразимой гибели охватываетъ беспомощнаго человекъ“.

Антитеза Наполеону Кутузовъ. „Онъ не гений“, онъ не ищетъ „иллюзорной“ власти надъ міровыми событіями, онъ безконечно далекъ отъ театральности.

Скромнаго русскаго полководца какъ-будто и нельзя противопоставлять „великому“ корсиканцу. Но Толстой открываетъ въ душѣ усталаго старика черты такого потрясающаго величія, въ сравненіи съ которымъ „героизмъ“ Наполеона становится опереточнымъ.

Отъ глубины души Кутузовъ презираетъ пфулевскій „умъ“.

„Все, что говорилъ Денисовъ, было дѣльно и умно. То, что говорилъ дежурный генераль, было еще дѣльнѣе и умнѣе. Но очевидно было, что *Кутузовъ презиралъ и знаніе и умъ и зналъ что-то другое, что должно было рѣшить дѣло, — что-то другое, независимое отъ ума и знанія*“. И презиралъ „не умомъ, не чувствомъ, не знаніемъ (потому что онъ и не старался выказывать ихъ), а чѣмъ-то другимъ. Онъ презиралъ ихъ своей старостью, своею опытностью“. Что же ясно было второму разуму Кутузова, что зналъ онъ своимъ старческимъ вторымъ знаніемъ? „Все вниманіе Пьера было поглощено серьезнымъ выраженіемъ лицъ въ этой толпѣ солдатъ и ополченцевъ, однообразно-жадно смотрѣвшихъ на икону. Какъ только уставшіе дьячки (пѣвшіе двадцатый молебень) начинали лѣниво и привычно пѣть: „Спаси отъ бѣды рабы Твоя, Богородице“, и священникъ и дьяконъ подхватывали: „Яко вси по Бозѣ къ тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству“, — на всѣхъ лицахъ слышивало опять то же выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, которое онъ видѣлъ подъ горой въ Можайскѣ и урывками на многихъ и многихъ лицахъ, встрѣченныхъ имъ въ это утро; чаще опускались головы, встряхивались волосы и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ“. *Вотъ что зналъ Кутузовъ*, вотъ что ощутилъ безъ посредства „ума“ своего и вотъ почему спокойно принялъ бой подъ Бородинымъ. „Вотъ, ваше сіятельство, правда, *правда истинная*, — проговорилъ Тимохинъ. — Что себя жалѣть теперь? Солдаты въ